

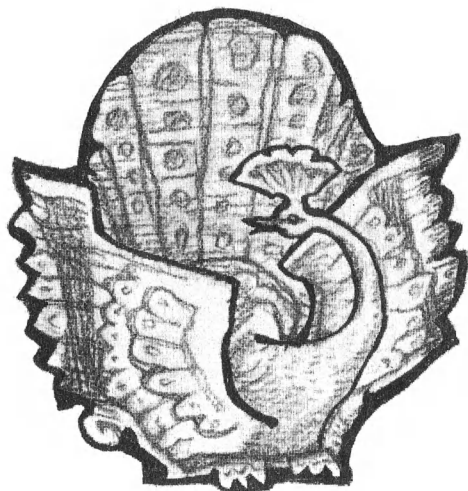
КНИГА ЗА КНИГОЙ

Ждья Муромец

Издательство
„Детская литература“

КНИГА ЗА КНИГОЙ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Былинный сказ

Москва

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1984

РФ
И49

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Пересказал для детей
А. Н. Нечаев

Рисунки
И. Д. Архипова

И49 **Илья** Муромец: Былинный сказ/Пересказал для
детей А. Н. Нечаев; Рис. И. Д. Архипова.— 2-е изд.—
М.: Дет. лит., 1984.— 32 с., ил.— (Книга за книгой).

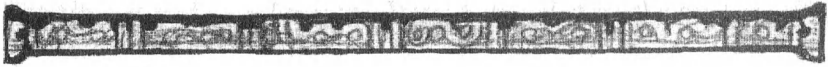
5 к.

Русские былины об Илье Муромце, пересказанные для детей советским
писателем А. Н. Нечаевым.

И 4803000000—281 128—84
М101(03)84

РФ

Иллюстрации.
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1976 г.

БОЛЕЗНЬ И ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ

Возле города Мурома в пригородном селе Карачарове у крестьянина Ивана Тимофеевича да у жены его Ефросиньи Поликарповны родился долгожданный сын. Немолодые родители рады-радехоньки. Собрали на крестины гостей со всех волостей, раздёрнули столы и завели угощенье — почестен пир. Назвали сына Ильёй. Илья, сын Иванович.

Растёт Илья не по дням, а по часам, будто тесто на опаре подымается. Глядят на сына престарелые родители, радуются, беды-невзгоды не чувствуют. А беда нежданно-негаданно к ним пришла. Отнялись у Ильи ноги резвые, и парень-крепыш ходить перестал. Сиднем в избе сидит. Горюют родители, печалятся, на убогого сына глядят, слезами обливаются. Да чего станешь делать? Ни колдуны-ведуны, ни знахари недуга излечить не могут. Так год минул и другой прошёл. Время быстро идёт, как река течёт. Тридцать лет да ещё три года недвижимый Илья в избе просидел.

В весеннюю пору ушли спозаранку родители пал палить¹, пенья-коренья корчевать, землю под новую пашню готовить, а Илья на лавке дубовой сидит, дом сторожит, как и раньше.

Вдруг: стук-бряк. Что такое? Выглянул во двор, а там три старика — калики перехожие² стоят, клюками в стену постукивают:

¹ Пал — пожар; пал палить — сжигать срубленные деревья.

² Калики перехожие — странники.

— Притомились мы в пути-дороге, и жажда нас томит, а люди сказывали, есть у вас в погребе брага пенная, холодная. Принеси-ка, Илеюшка, той браги нам, жажду утолить да и сам на здоровье испей!

— Есть у нас брага в погребе, да сходить-то некому. Недужный я, недвижимый. Резвы ноги меня не слушают, и я сиднем сижу тридцать три года,— отвечает Илья.

— А ты встань, Илья, не раздумывай,— калики говорят.

Сторожко Илья приподнялся на ноги и диву дался: ноги его слушаются. Шаг шагнул и другой шагнул... А потом схватил ендову¹ полуведёрную и скорым-скоро нацедил в погребе браги. Вынес ендову на крыльцо и сам себе не верит: «Неужто я, как все люди, стал ногами владеть?»

Пригубили калики перехожие из той ендовы и говорят:

— А теперь, Илеюшка, сам испей!

Испил Илья браги и почувствовал, как сила в нём наливается.

— Пей, молодец, ещё,— говорят ему странники.

Приложился к ендове Илья другой раз. Спрашивают калики перехожие:

— Чуешь ли, Илья, перемену в себе?

— Чую я в себе силу несусветную,— отвечает Илья.— Такая ли во мне теперь сила-могучесть, что, коли был бы столб крепко вбитый, ухватился бы за этот столб и перевернул бы землю-матушку. Вот какой силой налился я!

¹ Ендова́ — широкий сосуд с отливом (открытым носком) для кваса, пива, вина.

Глянули калики друг на друга и промолвили:

— Испей, Илеюшка, третий раз!

Выпил Илья браги третий глоток. Спрашивают странники:

— Чуешь ли какую перемену в себе?

— Чую, силушки у меня стало вполовинушку! — отвечал Илья Иванович.

— Коли не убавилось бы у тебя силы, — говорят странники, — не смогла бы тебя носить мать сыра земля, как не может она носить Святогора-богатыря. А и той силы, что есть, достанет с тебя. Станешь ты самым могучим богатырём на Руси, и в бою тебе смерть не писана. Купи у первого, кого завтра встретишь на торжище, косматенького неражего¹ жеребёночка, и будет у тебя верный богатырский конь. Припаси по своей силе снаряженье богатырское и служи народу русскому верой и правдой.

Попрощались с Ильёй калики перехожие и скрылись из глаз, будто их и не было.

А Илья поспешает родителей порадовать. По рассказам знал, где работают. Старики пал спалили да и притомилися, легли отдохнуть. Сын будить, тревожить отца с матерью не стал. Все пенья-коренья сам повыворотил да в сторону перетаскал, землю разрыхлил, хоть сейчас паши да сей.

Пробудились Иван с Ефросиньей и глазам не верят: «В одночасье наш пал от кореньев, от пеньев очистился, стал гладкий, ровный, хоть яйцо кати. А нам бы той работы на неделю стало!» И пуще того удивились, когда сына Илью увидели: стоит перед ними добрый молодец, улыбается. Статный,

¹ Нерá ж и й — здесь: невидный.

дородный, светлорадостный. Смеются и плачут мать с отцом.

— Вот-то радость нам, утешение! Поправился наш ясен сокол Илеюшка! Теперь есть кому нашу старость призреть!

Рассказал Илья Иванович про исцеление, низко родителям поклонился и вымолвил:

— Благословите, батюшка с матушкой, меня богатырскую службу нести! Поеду я в стольный Киев-град, а потом на заставу богатырскую нашу землю оборонять.

Услышали старики такую речь, опечалились, пригорюнились. А потом сказал Иван Тимофеевич:

— Не судьба, видно, нам глядеть на тебя да радоваться, коли выбрал ты себе долю воина, а не крестьянскую. Не легко нам расставаться с тобой, да делать нечего. На хорошие дела, на службу народу верную мы с матерью даём тебе благословение, чтоб служил, не кривил душой!

На другое утро раным-рано купил Илья жеребёнка, недолетка косматого, и принялся его выхаживать. Припас все доспехи богатырские, всю тяжёлую работу по хозяйству переделал.

А неражий косматый жеребёночек той порой вырос, стал могучим богатырским конём.

Оседлал Илья добра коня, снарядился сам в доспехи богатырские, распростился с отцом, с матерью и уехал из родного села Карачарова.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Раным-рано выехал Илья из Мурома, и хотелось ему к обеду попасть в стольный Киев-град. Его

резвый конь поскакивает чуть пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего. И скорым-скоро подъехал богатырь ко городу Чернигову. А под Черниговом стоит вражья сила несметная. Ни пешему проходу, ни конному проезду нет. Вражьи полчища ко крепостным стенам подбираются, помышляют Чернигов полонить-разорить. Подъехал Илья к несметной рати и принялся бить насильников-захватчиков, как траву косить. И мечом, и копьём, и тяжёлой палицей¹, а конь богатырский топчет врагов. И вскорости прибил, притоптал ту силу вражью, великую.

Отворялись ворота в крепостной стене, выходили черниговцы, богатырю низко кланялись и звали его воеводой в Чернигов-град.

— За честь вам, мужики-черниговцы, спасибо, да не с руки мне воеводой сидеть в Чернигове,— отвечал Илья Иванович.— Тороплюсь я в стольный Киев-град. Укажите мне дорогу прямоезжую!

— Избавитель ты наш, славный русский богатырь, заросла, замуравела прямоезжая дорога в Киев-град. Окольным путём теперь ходят пешие и ездят конные. Возле Чёрной Гязи, у реки Смородинки, поселился Соловей-разбойник, Одихмантьев сын. Сидит разбойник на двенадцати дубах. Свищет злодей по-соловьему, кричит по-звериному, и от посвиста соловьего да от крику звериного трава-мурава пожухла вся, лазоревые цветы осыпаются, тёмные леса к земле клонятся, а люди замертво лежат! Не ездь той дорогой, славный богатырь!

Не послушал Илья черниговцев, поехал дорогой

¹ П а л и ц а — боевая дубина.

прямоезжею. Подъезжает он к речке Смородинке да ко Грязи Чёрной.

Приметил его Соловей-разбойник и стал свистать по-соловьему, закричал по-звериному, зашипел злодей по-змеиному. Пожухла трава, цветы осыпались, деревья к земле приклонились, конь под Ильёй спотыкаться стал. Рассердился богатырь, замахнулся на коня плёткой шелкóвой.

— Что ты, волчья сыть¹, травяной мешок, спотыкаться стал? Не слышал, видно, посвисту соловьего, шипу змеиного да крику звериного?

Сам схватил тугой лук разрывчатый и стрелял в Соловья-разбойника, поранил правый глаз да руку правую чудовища, и упал злодей на землю. Приторочил богатырь разбойника к стремени и повёз Соловья по чисту полю мимо логова Соловьего. Увидали сыновья да дочери, как везут отца, привязана ко стремени, схватили мечи да рогатины, побежали Соловья-разбойника выручать. А Илья их разметал, раскидал и, не мешкая, стал свой путь продолжать.

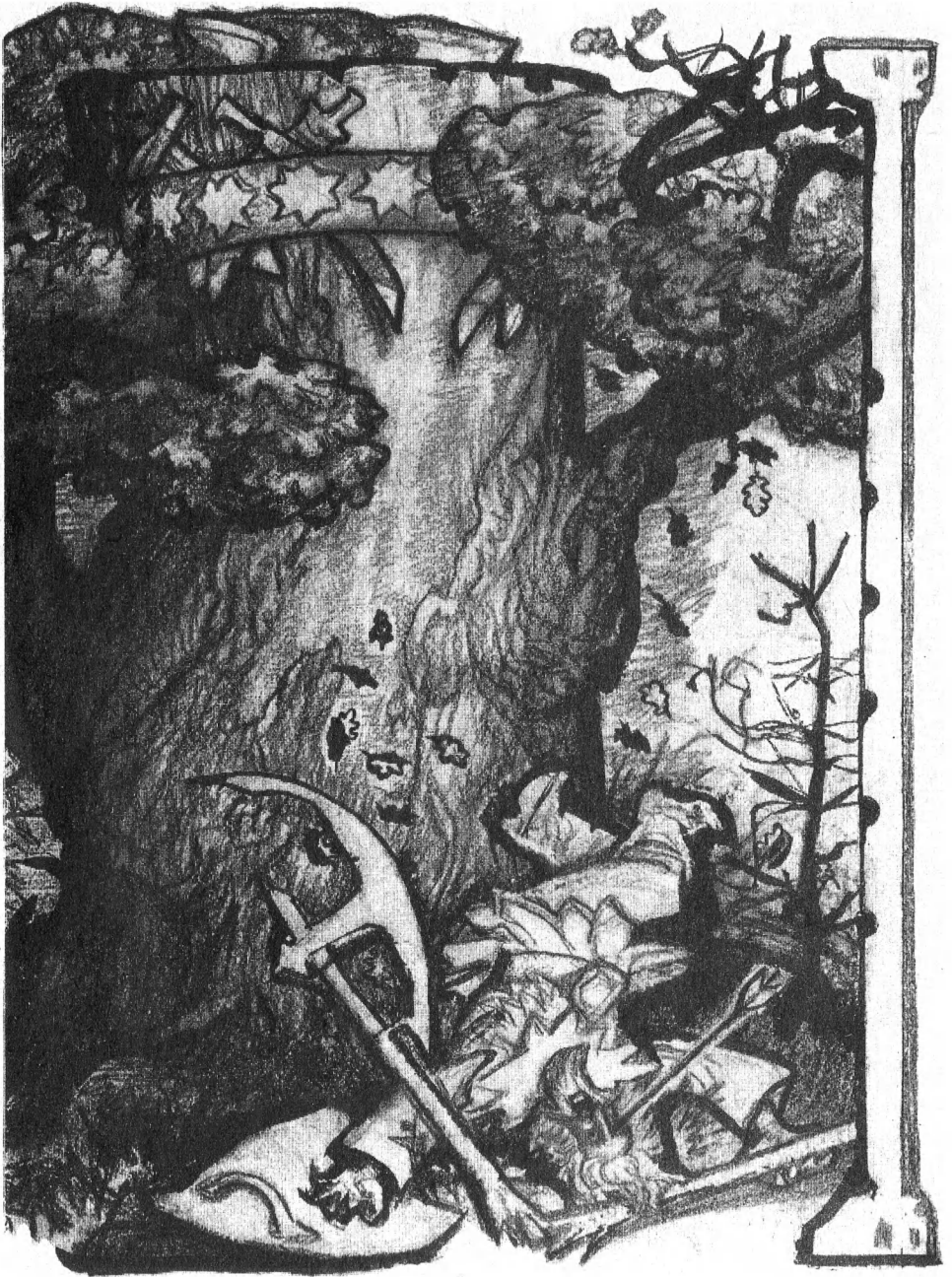
Приехал Илья в стольный Киев-град, на широкий двор княжеский. А славный князь Владимир — Красно Солнышко с князьями подколенными², с боярами почётными да с богатырями могучими только что садились за обеденный стол.

Илья поставил коня посреди двора, сам вошёл в палату столовую. Он крест клал по-писаному, поклонился на четыре стороны по-учёному, а самому князю великому во особицу.

¹ Сыть — еда, корм.

² Подколённый — здесь: подначальный.

Стал князь Владимир выпрашивать:

— Ты откуда, добрый молодец, как тебя по имени зовут, величают по отчеству?

— Я из города Мурома, из пригородного села Карачарова, Илья Муромец.

— Давно ли, добрый молодец, ты выехал из Мурома?

— Рано утром выехал из Мурома,— отвечал Илья,— хотел было к обедне поспеть в Киев-град, да в дороге, в пути призамешкался. А ехал я дорогой прямоезжею мимо города Чернигова, мимо речки Смородинки да Чёрной Грязи.

Насупился князь, нахмурился, глянул недобро:

— Ты, мужик-деревенщина, в глаза над нами насмехаешься! Под Черниговом стоит вражья рать — сила несметная, и ни пешему, ни конному там ни проходу, ни проезду нет. А от Чернигова до Киева прямоезжая дорога давно заросла, замуравела. Возле речки Смородинки да Чёрной Грязи сидит на двенадцати дубах разбойник Соловей, Одихмантьев сын, и не пропускает ни пешего, ни конного. Там и птице-соколу не пролететь!

Отвечает на те слова Илья Муромец:

— Под Черниговом вражье войско всё побитоповоёвано лежит, а Соловей-разбойник на твоём дворе пораненный, к стремени притороченный.

Из-за стола князь Владимир выскочил, накинул кунью шубу на одно плечо, шапку соболью на одно ушко и выбежал на красное крыльцо. Увидел Соловья-разбойника, к стремени притороченного:

— Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему, закричи-ка, собака, по-звериному, зашипи, разбойник, по-змеиному!

— Не ты меня, князь, полонил, победил. Победил, полонил меня Илья Муромец. И никого, кроме него, я не послушаюсь.

— Прикажи, Илья Муромец,— говорит князь Владимир,— засвистать, закричать, зашипеть Соловью!

Приказал Илья Муромец:

— Засвищи-ка, Соловей, во полсвисту соловьяго, закричи во полкрика звериного, зашипи во полшипа змеиного!

— От раны кровавой,— Соловей говорит,— мой рот пересох. Ты вели налить мне чару зелена вина, не малую чару — в полтора ведра, и тогда я потешу князя Владимира.

Поднесли Соловью-разбойнику чару зелена вина. Принимал злодей чару одной рукой, выпивал чару за единый дух. После того засвистал в полный свист по-соловьему, закричал в полный крик по-звериному, зашипел в полный шип по-змеинному. Тут маковки на теремах покривились, а околенки¹ в теремах рассыпались, все люди, кто был на дворе, за-мертво лежат. Владимир-князь стольно-киевский куньей шубой укрывается да окарачь² ползёт.

Рассердился Илья Муромец. Он садился на добра коня, вывез Соловья-разбойника во чисто поле:

— Тебе полно, злодей, людей губить! — И отрубил Соловью буйну голову.

Столько Соловей-разбойник и на свете жил. На том сказ и окончился.

¹ Окóленки — оконная рама, оконный переплёт.

² Окарачь — на четвереньках.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ

Уехал как-то раз Илья Муромец далеко от Киева в чистое поле, в широкое раздолье. Настрелял там гусей, лебедей да серых уток. Повстречался ему в пути старчище Иванище — калика переходжий. Спрашивает Илья:

— Давно ли ты из Киева?

— Недавно я был в Киеве. Там беду бедует князь Владимир со Апраксией. Богатырей в городе не случилось, и приехал Идолище поганое. Ростом как сенная копна, глазищи как чашищи, в плечах косая сажень¹. Развалясь сидит в княжеских палатах, угощается, на князя с княгиней покрикивает: «То подай да это принеси!» И оборонить их некому.

— Ох ты, старчище Иванище,— говорит Илья Муромец,— ведь ты дороднее да сильнее меня, только смелости да ухватки нет у тебя! Ты снимай платье каличье, поменяемся на время мы одёжу.

Наряжался Илья в платье каличье, пришёл в Киев на княжий двор и вскричал громким голосом:

— Подай, князь, милостыньку калике переходжему!

— Чего горлопанишь, нищехлибина?!² Зайди в столовую горницу. Мне охота с тобой перемолвиться! — закричал в окно Идолище поганое.

Вошёл богатырь в горницу, стал у притолоки. Князь и княгиня не узнали его. А Идолище, развалясь, за столом сидит, усмехается.

— Видал ли ты, калика, богатыря Илюшку

¹ В плечах косая сажень — широкие плечи.

² Нищехлибина — презрительное обращение к нищему.

Муромца? Он ростом, дородством каков? Помногу ли ест и пьёт?

— Ростом, дородством Илья Муромец совсем как я. Хлеба ест он по калачику в день. Зелена вина, пива стоялого выпивает по чарочке в день, тем и сыт бывает.

— Какой же он богатырь? — засмеялся Идолище, ощерился. — Вот я богатырь — зараз съедаю жареного быка-трёхлетка, по бочке зелена вина выпиваю. Встречу Илейку, русского богатыря, на ладонь его положу, другой — прихлопну, и останется от него грязь да вода!

На ту похвальбу отвечает калика перехожий:

— У нашего попа тоже была свинья обжористая. Много ела, пила, покуда её не разорвало.

Не слюбились те речи Идолищу. Метнул он в него аршинный¹ булатный нож, а Илья Муромец увёртлив был, уклонился от ножа.

Воткнулся нож в ободверину², ободверина с треском в сени вылетела.

Тут Илья Муромец в лапоточках да в платье каличьём ухватил Идолища поганого, подымал его выше головы и бросал хвастуна-насилъника о кирпичный пол. Столько Идолище и жив бывал. А могучему русскому богатырю славу поют веки-пóвеки.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Завёл князь Владимир почестен пир и не позвал Илью Муромца. Богатырь на князя обиделся;

¹ Аршинный — здесь: огромный. Аршин — старинная мера длины, равная примерно 72 см.

² Ободверина — косяк, дверная колода.

выходил он на улицу, тугой лук натягивал, стал стрелять по церковным маковкам серебряным, по крестам золочёным и кричал мужикам киевским: «Собирайте кресты золочёные и серебряные церковные маковки, несите в кружало — в питейный дом. Заведём свой пир-столованье на всех мужиков киевских!»

Князь Владимир стольно-киевский разгневался, приказал посадить Илью Муромца в глубокий погреб на три года.

А дочь Владимира велела сделать ключи от погреба и потайно от князя приказала кормить, поить славного богатыря, послала ему перины мягкие, подушки пуховые.

Много ли, мало ли прошло времени, прискакал в Киев гонец от царя Калина. Он настезь двери размахивал, без спросу вбегал в княжий терем, кидал Владимиру грамоту посылную. А в грамоте написано: «Я велю тебе, князь Владимир, скоро-наскоро очистить улицы стрелецкие и большие дворы княженецкие да наставить по всем улицам и переулкам пива пенного, медов стоялых да зелена вина, чтобы было чем моему войску угощаться в Киеве. А не исполнишь приказа — пеняй на себя. Русь я огнём покачу, Киев-город в разор разорю и тебя со княгиней смерти предам. Сроку даю три дня».

Прочитал князь Владимир грамоту, затужил, запечалился. Ходит по горнице, ронит слёзы горячие, шелкóвым платком утирается:

— Ох, зачем я посадил Илью Муромца в погреб глубокий да приказал тот погреб засыпать жёлтым песком! Поди, нет теперь в живых нашего

защитника? И других богатырей в Кieve нет теперь. И некому постоять за веру, за землю русскую, некому стоять за стольный град, оборонить меня со княгиней да с дочерью!

— Батюшка-князь стольно-киевский, не вели меня казнить, позволь слово вымолвить,— проговорила дочь Владимира.— Жив-здоров наш Илья Муромец. Я тайком от тебя поила, кормила его, обихаживала. Ты прости меня, дочь самовольную!

— Умница ты, разумница,— похвалил дочь Владимир-князь.

Схватил ключ от погреба и сам побежал за Ильёй Муромцем. Приводил его в палаты белокаменные, обнимал, целовал богатыря, угощал яствами сахарными, поил сладкими винами заморскими, говорил таковы слова:

— Не серчай, Илья Муромец! Пусть, что было между нами, былём порастёт. Пристигла нас беданевзгода. Подошёл к стольному городу Киеву собака Калин-царь, привёл полчища несметные. Грозится Русь разорить, огнём покатить, Киев-город разорить, всех киевлян в полон полонить, а богатырей нынче нет никого. Все на заставах стоят да в разъезды разъехались. На одного тебя вся надежда у меня, славный богатырь Илья Муромец!

Некогда Илье Муромцу прохладатся, угощаться за княжеским столом. Он скорым-скоро на свой двор пошёл. Первым делом проведаль своего коня вещего. Конь, сытый, гладкий, ухоженный, радостно заржал, когда увидел хозяина.

Паробку¹ своему Илья Муромец сказал:

¹ П а р о б о к — оруженосец.

— Спасибо тебе, что холил коня, обихаживал!

И стал коня засёдлывать. Сперва накладывал потничек, а на потничек накладывал войлочек, на войлочек седло черкасское недержанное. Подтягивал двенадцать подпругов шелкóвых со шпенёчками булатными, с пряжками красна золота, не для красы, для ужожества, ради крепости богатырской: шелкóвые подпруги тянутся, не рвутся, булат гнётся, не ломается, а пряжки красного золота не ржавеют. Снаряжался и сам Илья в боевые доспехи богатырские. Палица при нём булатная, копьё долгомерное, подпоясывал меч боевой, прихватил шалыгу¹ подорожную и выехал во чисто поле. Видит, силы татарской под Киевом много множество. От крика людского да от ржания лошадиного унывает сердце человеческое. Куда ни посмотришь, нигде конца-краю силы-полчищ вражеских не видать.

Повыехал Илья Муромец, поднялся на высокий холм, посмотрел он в сторону восточную и увидел далеко-далече во чистом поле шатры белополотняные. Он направлял туда, понужал коня, приговаривал: «Видно, там стоят наши русские богатыри, о напасти-беде они не ведают».

И в скором времени подъехал к шатрам белополотняным, зашёл в шатёр на́большего² богатыря Самсона Самойловича, своего крёстного. А богатыри в ту пору обедали. Проговорил Илья Муромец:

— Хлеб да соль, богатыри святорусские!

Отвечал Самсон Самойлович:

— А поди-ка, пожалуй, наш славный богатырь

¹ Ш а л ы г а — посох с загнутой ручкой.

² Н а б о л ь ш и й — самый главный.

Илья Муромец! Садись с нами пообедать, хлеба-соли отведать!

Тут вставали богатыри на резвы ноги, с Ильёй Муромцем здоровались, обнимали его, троекратно целовали, за стол приглашали.

— Спасибо, братья крестовые. Не обедать я приехал, а привёз вести нерадостные, печальные,— вымолвил Илья Муромец.— Стоит под Киевом рать—сила несметная. Грозится собака Қалин-царь наш стольный город взять да спалить, киевских мужиков всех повырубить, жён, дочерей во полон угнать, церкви разорить, князя Владимира со Апраксией-княгиней злой смерти предать. И приехал к вам звать с ворогами ратиться!

На те речи отвечали богатыри:

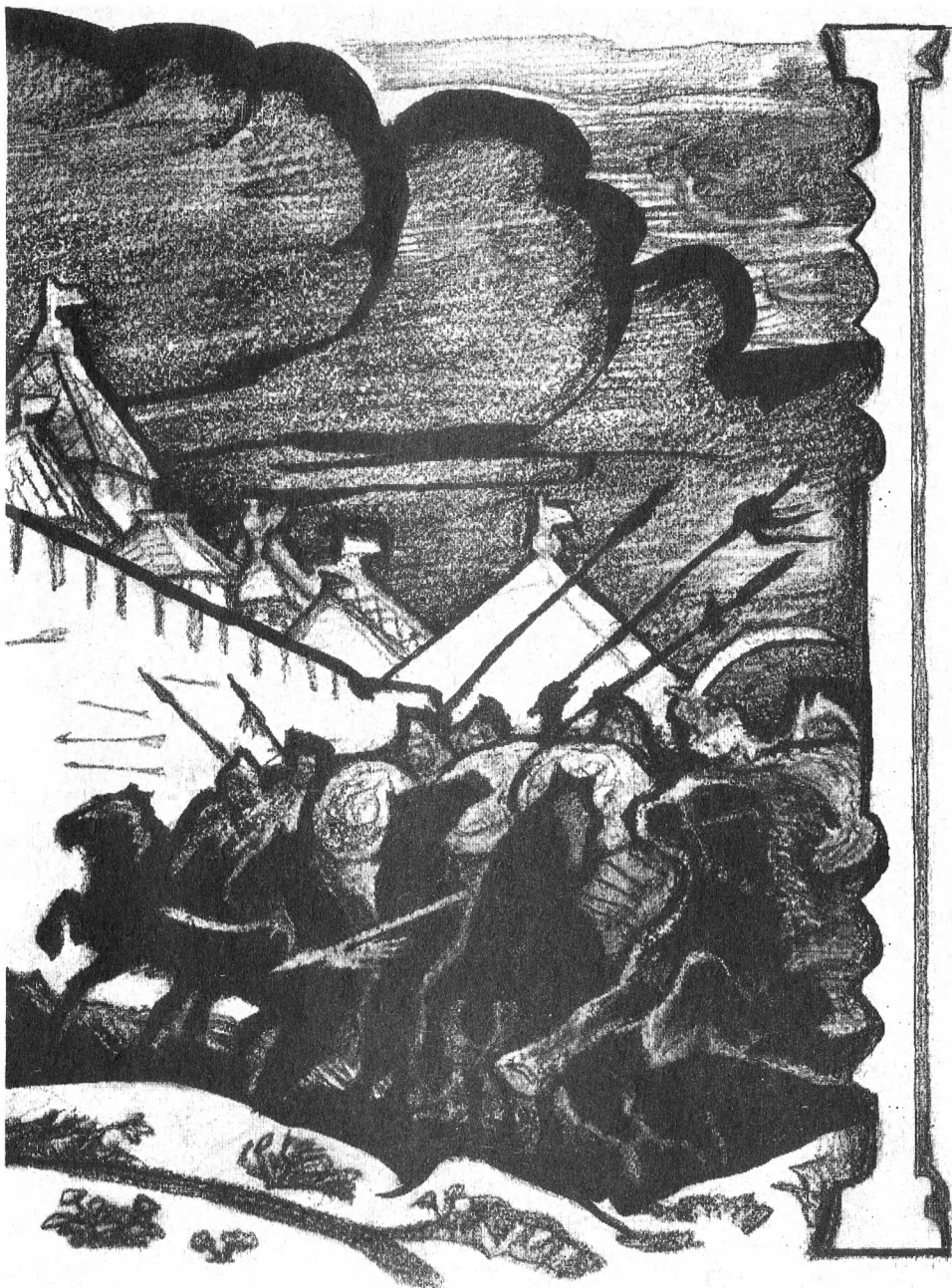
— Не станем мы, Илья Муромец, коней седлать, не поедем мы биться-ратиться за князя Владимира да за княгиню Апраксию. У них много ближних князей да бояр. Великий князь стольно-киевский поит-кормит их и жалует, а нам нет ничего от Владимира со Апраксией Королевичной. Не уговаривай ты нас, Илья Муромец!

Не по нраву Илье Муромцу те речи прились. Он сел на своего добра коня и подъехал к полчищам вражеским. Стал силу врагов конём топтать, копьём колоть, мечом рубить да бить шалыгой подорожную. Бьёт-поражает без усталости. А конь богатырский под ним заговорил языком человеческим:

— Не побить тебе, Илья Муромец, силы вражеской. Есть у царя Қалина могучие богатыри и поляницы¹ удалые, а в чистом поле вырыты

¹ Поляницы — богатырки, наездницы.

подкопы глубокие. Как просядем мы в подкопы — из первого подкопа я выскочу и из другого подкопа повыскочу и тебя, Илья, вынесу, а из третьего подкопа я хоть выскочу, а тебя мне не вынести.

Те речи Илье не слюбился. Поднял он плётку шелкóвую, стал бить коня по крутым бедра́м, приговаривать:

— Ах ты, собака-изменщица, волчье мясо, травяной мешок! Я кормлю, пою тебя, обихаживаю, а ты хочешь меня погубить!

И тут просел конь с Ильёй в первый подкоп. Оттуда верный конь выскочил, богатыря вынес на себе. И опять принялся богатырь вражью силу бить, как траву косить. И в другой раз просел конь с Ильёй во глубокий подкоп. И из этого подкопа резвый конь вынес богатыря.

Бьёт Илья Муромец татар, приговаривает:

— Сами не ходите и своим детям-внукам закажите ходить воевать на Русь Великую веки-пóвеки.

В ту пору просели они с конём в третий глубокий подкоп. Его верный конь из подкопа выскочил, а Илью Муромца вынести не мог. Набежали татары коня ловить, да не дался верный конь, ускакал он далёко во чистое поле. Тогда десятки богатырей, сотни воинов напали в подкопе на Илью Муромца, связали, сковали ему руки-ноги и привели в шатёр к царю Калину. Встретил его Калин-царь ласково-приветливо, приказал развязать-расковать богатыря:

— Садись-ка, Илья Муромец, со мной, царём Калином, за единый стол, ешь, чего душа пожелает, пей мои питьица медвяные. Я дам тебе одёжу драгоценную, дам, сколь надобно, золотой казны. Не

служи ты князю Владимиру, а служи мне, царю Калину, и будешь ты моим ближним князем-боярином!

Взглянул Илья Муромец на царя Калина, усмехнулся недобро и вымолвил:

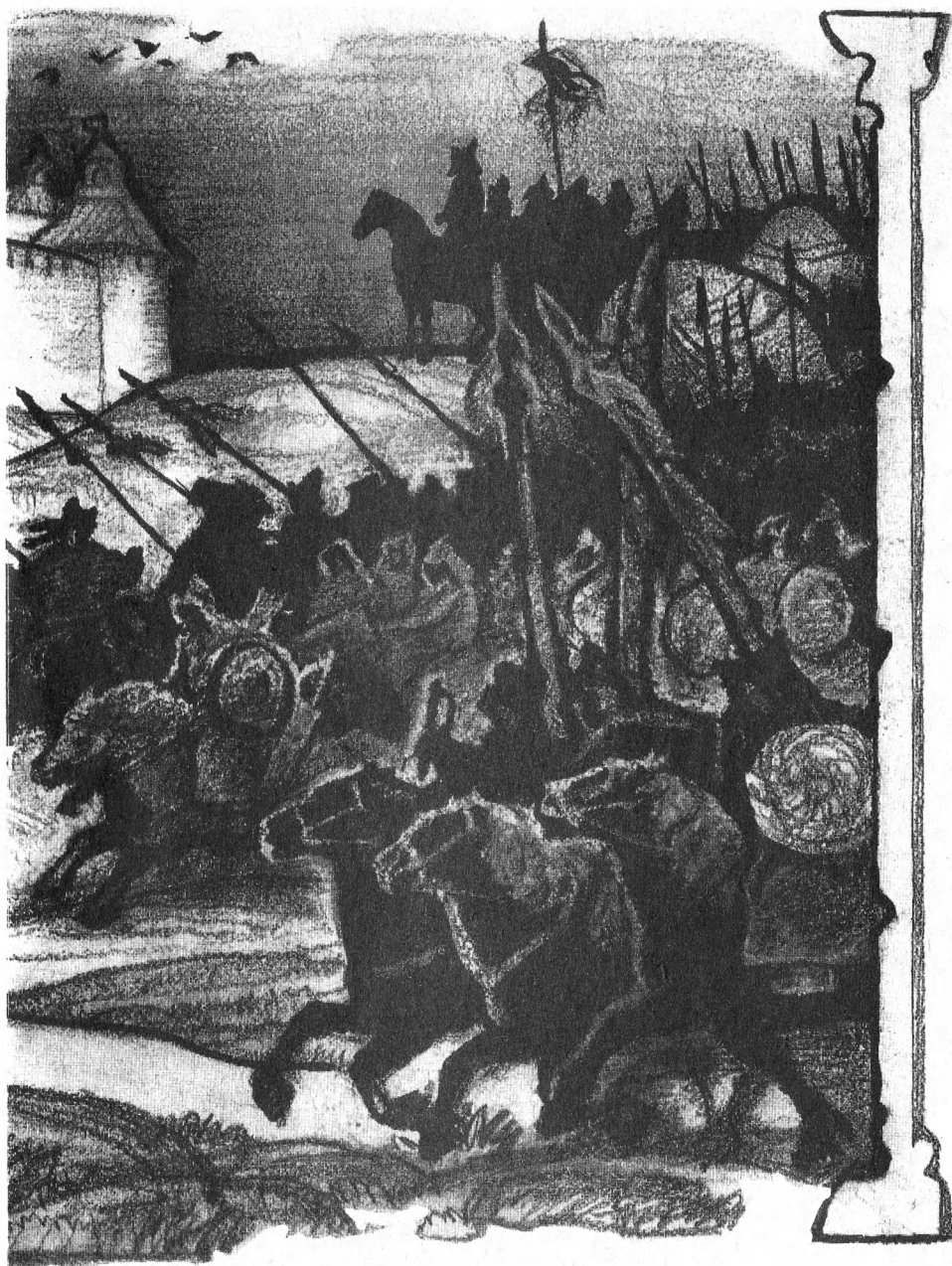
— Не сяду я с тобой за единый стол, не буду есть твоих кушаньев, не стану пить твоих питьёв медвяных, не надо мне одёжи драгоценной, не надобно и бесщётной золотой казны. Я не стану служить тебе — собаке царю Калину! А и впредь буду верой и правдой защищать, оборонять Русь Великую, стоять за стольный Киев-град, за свой народ да за князя Владимира. И ещё тебе скажу: глупый же ты, собака Калин-царь, коли мнишь на Руси найти изменников-перебежчиков!

Размахнул настезь дверь-занавесь ковровую да прочь из шатра выскочил. А там стражники, охранники царские тучей навалились на Илью Муромца: кто с оковами, кто с верёвками — ладятся связать-сковать безоружного.

Да не тут-то было! Поднатужился могучий богатырь, поднапружился: раскидал-разметал басурман и проскочил сквозь вражью силу-рать в чистое поле, в широкое раздолье.

Свистнул посвитом богатырским и, откуда ни возьмись, прибежал его верный конь с доспехами, со снаряжением. Выехал Илья Муромец на высокий холм, натянул лук тугой и послал каленú стрелу, сам приговаривал: «Ты лети, калена стрела, во бел шатёр, пади, стрела, на белу грудь моему крёстному, проскользни да сделай малую царапинку. Он поймёт: одному мне в бою худо можется». Угодила стрела в Самсонов шатёр. Самсон-богатырь

пробудился, вскочил на резвы ноги и крикнул громким голосом:

— Вставайте, богатыри могучие русские! Прилетела от крестника калена стрела — весть нерадостная: понадобилась ему подмога в бою с сарацинами. Понапрасну ведь он бы стрелу не послал. Вы седлайте, не мешкая, добрых коней, и поедем мы биться не ради князя Владимира, а ради народа русского да на выручку славному Илье Муромцу!

В скором времени прискакали на подмогу двенадцать богатырей, а Илья Муромец с ними во тринадцатых. Накинулись они на полчища вражеские, прибили, притоптали конями всю несметную силу, самого царя Калина во полон взяли, привезли в палаты князя Владимира. И возговорил Калин-царь:

— Не казни меня, князь Владимир стольнокиевский, я буду тебе дань платить и закажу своим детям, внукам и правнукам века вечные на Русь с мечом не ходить, а с вами в мире жить. В том мы подпишем грамоту.

Тут старина-былина и окончилась, синему морю на тишину, а добрым людям на послушание.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

По чистому полю, по широкому раздолью ехал старый казак Илья Муромец и наехал на развилку трёх дорог. На развилке горюч-камень лежит, а на камне надпись написана: «Если прямо ехать — убиту быть, направо ехать — женату быть, а налево ехать — богатому стать». Прочитал Илья надпись и призадумался:

— Мне, старому, в бою смерть не писана. Дай поеду, где убиту быть.

Долго ли, коротко ли ехал он, выскочили на дороге воры-разбойники. Три сотни татей¹-подорожников. Горланят, шалыгами размахивают:

— Убьём старика да ограбим!

— Глупые люди,— говорит Илья Муромец,— не убив медведя, шкуру делите!

И напустил на них своего коня верного. Сам копьём колол и мечом разил, и не осталось в живых ни единого душегуба-разбойника.

Воротился на развилку и стёр надпись: «Если прямо ехать — убиту быть». Постоял возле камня и повернул коня направо:

— Незачем мне, старому, женату быть, а поеду, погляжу, как люди женятся.

Ехал час либо два и наехал на палаты белокаменные.

Выбегала навстречу красна девица-душа. Брала Илью Муромца за руки, провела в столовую горницу. Кормила-поила богатыря, улещала:

— После хлеба-соли ступай опочив держать². В дороге небось умаялся! — Провела в особый покой, указала на перину пуховую.

А Илья, он смекалист, сноровист был, заметил неладное. Кинул девицу-красу на перину, а кровать повернулась, опрокинулась, и провалилась хозяйка в подземелье глубокое.

Выбежал Илья Муромец из палат во двор, разыскал подземелье то глубокое, двери выломал и выпустил на белый свет сорок пленников, жени-

¹ Т а т ь — разбойник, грабитель.

² О п о ч и в д е р ж а т ь — опочивать, спать, отдыхать.

хов незадачливых, а хозяйку — красну девицу в тюрьму подземную запер крепко-накрепко.

После того приехал на развилку и другую надпись стёр. И новую надпись написал на камени: «Две дорожки очищены старым казаком Ильёй Муромцем».

— В третью сторону не поеду я. Зачем мне, старому, одинокому, богатым быть? Пусть кому-нибудь молодому богатство достанется.

Повернул коня старый казак Илья Муромец и поехал в стольный Киев-град нести службу ратную, биться с ворогами, стоять за Русь Великую да за русский народ!

На том сказ о славном, могучем богатыре Илье Муромце и окончился.

5 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1984 году в серии «Книга за книгой»
для младшего школьного возраста
выходят в свет такие произведения фольклора
и русских писателей-классиков:

Гаршин Н. ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО.

Сказки и рассказ

Телешов Н. ЗОРЕНЬКА

Сказки

Тютчев Ф. КОНЬ МОРСКОЙ.

Стихи.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Былинный сказ

ИБ № 7682

Ответственный редактор *В. А. Сокол*
Художественный редактор *В. А. Горячева*
Технический редактор *И. С. Широкова*
Корректор *В. В. Борисова*

Сдано в набор 16.08.83. Подписано к печати 02.03.84. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офс. № 2. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,0. Усл. кр.-отг. 2,5. Уч.-изд. л. 1,47. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2333. Цена 5 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.